

Е.Г. Энтина

Евро-атлантическая интеграция республик бывшей Югославии и российский фактор

Аннотация. СФРЮ начала взаимодействовать с ЕЭС еще в конце 1960-х годов. В ходе югославского кризиса 1990-х годов ЕС попытался выступить медиатором, но потерпел неудачу. Пальма первенства перешла к НАТО и США. В начале XXI в. ЕС осуществил еще одну попытку комплексной стабилизации и модернизации Балканского региона. Из-за ее частичной несостоятельности рычаги управления регионом вновь вернулись к НАТО. Конфронтация России и Запада грозит дестабилизацией в регионе, где определяющим становится рост внутренних противоречий.

Abstract. The interaction between SFRY and the EEC dates back to the 1960 s. During the Yugoslav crisis of the 1990 s the EU tried to mediate conflicts but failed. NATO and the USA took the lead. The early XXI century saw another attempt of the EU to stabilize and modernize the Balkans. Since its efforts are to some extent impotent, NATO once again dominates the regional crisis management. The confrontation between Russia and the West may trigger destabilization in the region which faces growing internal contradictions.

Ключевые слова: Европейский союз, НАТО, Западные Балканы, Россия, интеграция, конфронтация.

Keywords: the European Union, NATO, Western Balkans, Russia, integration, confrontation.

Пространство бывшей Югославии на протяжении последних 60 лет являлось предметом особого внимания со стороны за-

падноевропейских стран. Этому есть и исторические, и геополитические, и экономические объяснения. Именно эта зона на европейском континенте – точка преломления, а иногда и столкновения разных цивилизаций. Исторически – это объект влияния большинства значимых международных сил, причем влияния зачастую разнонаправленного. С точки зрения геополитики – это замыкающее звено в системе европейской безопасности, которое сегодня стало одним из важнейших направлений системной конфронтации Запада и России. В геоэкономическом плане постъюгославское пространство – перекресток основных торговых путей в Европу и из нее.

В течение длительного периода времени – с конца 1960-х годов до конца первого десятилетия XXI в. – Балканский регион в рамках евро-атлантических интеграционных процессов в большей степени находился под влиянием ЕС/ЕЭС, чем под влиянием НАТО. Подобный перекося в эпоху биполярного мира был легко объясним. Союзная Югославия – и это лейтмотив всех ее переговоров с ЕЭС по вопросам взаимодействия – больше всего опасалась утратить свой внеблоковый статус. Это грозило, с одной стороны, обострением отношений с СССР (в НАТО, например, всерьез рассматривали возможность советского военного вторжения) [Contingency planning., 1977], а с другой – утратой авторитета в странах Третьего мира, где позиции Югославии зиждились на ее идеологическом лидерстве в Движении неприсоединения. Несмотря на то что Югославия на заре 1970-х годов стала первой из социалистических стран, с которой ЕЭС подписало торгово-экономические соглашения и активно развивало взаимоотношения вплоть до ее распада, западноевропейским странам так и не удалось в тот период выйти на подписание соглашения, превосходящего по статусу непреференциальный торгово-экономический договор (хотя, как свидетельствуют архивные материалы, такие намерения у ЕЭС имелись) [Report., 1977]. Скорее всего, эти же внутренние югославские соображения стали одной из основных причин практического отсутствия взаимодействия по линии Югославия/НАТО.

В этой связи закономерными выглядели попытки Европейского союза в 1990-х годах вначале самостоятельно, без помощи партнеров по НАТО справиться с югославским кризисом. Но изна-

чальная ставка на то, что с распадом биполярного мира настал «час Европы» и она сможет стать гарантом мира и стабильности на всем европейском континенте, провалилась. Успех международного сообщества (в том числе ЕЭС) в Словении в 1991 г. создал иллюзию правильности выбранной стратегии (признания независимости республик и международного посредничества) и отчасти привел к полному провалу европейского урегулирования в Хорватии, а также во многом спровоцировал войну в Боснии и Герцеговине. Дейтонские мирные соглашения 1995 г. по Боснии и Герцеговине стали символом совсем другой тенденции на континенте – «часа США» – и де-факто «похоронили» надежды Западной Европы на то, чтобы стать полноправным и независимым медиатором в новой системе безопасности. Провал общей миротворческой стратегии ЕС обусловил окончательное закрепление НАТО в качестве гаранта региональной безопасности и создал предпосылки для укрепления среди балканских политических элит и населения уверенности в том, что единственным эффективным инструментом обеспечения безопасности может быть ставка на США и НАТО.

Итогом политики международного сообщества, включая ЕС и НАТО, на пространстве бывшей Югославии в 1990-х годах стало не разрешение кризиса, а приостановка боевых действий и замораживание имевшихся противоречий. Вплоть до сегодняшнего дня Босния и Герцеговина, а также бывшая югославская республика Македония – в известной мере искусственные образования. Косовский вопрос по-прежнему занимает центральное место в сербской внутри- и внешнеполитической повестке, а проблема объединения албанской нации в рамках одного государства назрела уже в реальной переговорной перспективе. И даже оказавшаяся в результате войн практически гомогенной Хорватия до конца не решила свой национальный вопрос. Таким образом, по итогам первого этапа политики ЕС и НАТО в качестве основных медиаторов на Балканах в регионе объективно сохранились предпосылки для обострения в среднесрочной перспективе всех традиционных национально-территориальных проблем.

В конце XX столетия казалось, что выход из ситуации возможен не через непосредственное решение этих проблем, а путем их

вытеснения на второй план. Воплощением подобного представления стала попытка ЕС заявить о себе как о континентальной геополитической силе через консолидацию региона Юго-Восточной Европы на основе комплексной постконфликтной модернизации и включения его в свои социально-экономические и институционально-правовые механизмы. Одновременно продвигалась идея параллельного подключения бывших югославских республик к Евро-Атлантическому сообществу, чтобы не допустить повторения вооруженных конфликтов.

До середины 2000-х годов эта стратегия на Балканах казалась не только идейно состоятельной, но и успешно реализуемой. Так, все политические лидеры стран западнобалканского региона (Сербии, Черногории, Хорватии, Словении, Македонии, Боснии и Герцеговины, а также Албании) избрали безальтернативный внешнеполитический курс на сближение с евро-атлантическими структурами. При этом политические элиты в большей степени делали ставку на членство в ЕС, воспринимая вступление в НАТО как промежуточный, но неизбежный этап (кто-то в большей степени, как Черногория; кто-то в меньшей, полагая, что членство в НАТО дает дополнительные возможности для собственного укрепления, как Албания или Хорватия).

Дополнительными критериями готовности к членству в ЕС для стран постъюгославского пространства оказались развитие региональной кооперации и сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии. Сделав ставку на международно-правовые механизмы, но на практике используя их в целях открытого политического манипулирования, ЕС не смог выполнить одну из важнейших задач стабилизации постконфликтного региона – примирения обществ, а лишь утвердил исторические локальные стереотипы о неравенстве и необходимости неперемennого поиска внешнего покровителя каждым из балканских народов.

Вместе с тем необходимо отметить, что политика «обусловленности» приближения к ЕС реализацией правовых и институциональных реформ в большинстве стран привела к определенным успехам. Запущенный на саммите в Салониках в 2003 г. процесс стабилизации и ассоциации первоначально вызвал здоро-

вую конкуренцию среди балканских государств и однозначно стал стимулом всех позитивных перемен в регионе. По многим направлениям Балканы интегрировались с остальной частью Западной Европы: в сфере торговли, инвестиций, транспорта, телекоммуникаций и образования, партийно-политического сотрудничества и вопросов экологии. И несмотря на то что впоследствии подобное сближение стало причиной резкого ухудшения экономического положения бывших югославских республик в связи с начавшимся глобальным финансово-экономическим кризисом, а затем и кризисом внутри ЕС, оно имело огромное моральное значение для балканских народов. Во-первых, сближение символизировало признание возвращения жителей Западных Балкан в лоно «цивилизованных европейцев», а также то, что позорное клеймо «кровавых варваров» осталось в прошлом. Во-вторых, именно интеграция с ЕС позволила на время забыть о Балканах как «пороховом погребе» Европы, обеспечив, казалось бы, старт быстрой догоняющей экономической и социально-политической модернизации.

Тем не менее с началом глобального финансово-экономического кризиса и общемирового кризиса либерализма все в большей и большей мере начала обнаруживаться несостоятельность стратегии Европейского союза на Балканах. Возможно, для успешного завершения проекта ЕС просто не хватило времени. Может быть, это связано с тем, что ЕС продолжал (и продолжает сегодня) политику одностороннего «продавливания» необходимых для модернизации политических решений, не учитывая серьезно изменившийся контекст международных отношений. В любом случае, Брюссель упустил из вида три основных элемента современного внутрирегионального порядка.

Первое. С начала 2000-х годов в Балканском регионе вновь заявила о себе Россия, а чуть ранее – Турция. Ни та ни другая страна не имели раньше и не располагают сегодня проектами системной трансформации региона. Однако все же они являются весомыми экономическими партнерами, а самое главное – располагают тем инструментом «мягкой» силы, который за 20 лет так и не удалось получить евро-атлантическому миру: *неконъюнктурным* позитивным отношением народов к себе (православных, прежде всего

сербского народа – к России, балканских мусульман – к Турции). Кроме того, в западнобалканском пространстве появились и новые международные акторы – Китай и ряд арабских стран. Сотрудничество с ними приносит ощутимые экономические дивиденды и ставить его под угрозу лидеры балканских стран не желают.

Второе. Напрямую заимствовав модель трансформации стран Центральной и Восточной Европы, доказавшую свою успешность в 1990-е годы, Европейский союз не учел несколько факторов: а) интеграция ЦВЕ проходила в принципиально других морально-ценностных и геополитических условиях; б) в культурном отношении, а также в подходах к экономическим основам функционирования государства страны ЦВЕ намного ближе Западной Европе, чем Балканы; в) экономическое состояние государств ЦВЕ и пост-югославских республик сравнивать практически невозможно [Энтина, 2016, с. 104–112]. В итоге, применив ту же матрицу и ожидая подобных результатов, ЕС не успел вовремя отреагировать на закономерное обострение внутрорегиональных и внутригосударственных противоречий, связанных в первую очередь с тем, что надежды самих балканских народов на скорую лучшую жизнь не оправдались, что породило неизбежный вопрос об эффективности государственных аппаратов, а вслед за ним – традиционный поиск «виновных» среди «чужих», т.е. соседей.

И наконец, третье, являющееся следствием совокупности вышеперечисленных реалий. Исторически для лидеров балканских государств (маленьких и по существу зависимых стран) характерны балансирование между великими силами и политический оппортунизм. Европейский союз поверил и вопреки всему продолжает верить не только в безальтернативность, а главное – в эффективность предлагаемого им проекта. Однако если вопрос альтернативы до сих пор неясен, то понимание, что включение Балкан в Европейский союз (в любой его конфигурации) не принесет региону процветания, очевидно. В связи с этим, а также в связи с обострением отношений по линии Россия–Запад и новой ролью Турции в региональном измерении все более и более актуальным для внутривнутриполитического балканского поля становится поиск «нового Тито» – лидера, способного использовать противоречия между вели-

кими державами во благо местных народов. Опасность подобной тенденции в том, что, поскольку возникновение «нового Тито» в общебалканском формате вряд ли возможно, на государственном уровне это может привести, как уже бывало не раз, к обострению межэтнических противоречий и перекраиванию границ.

По сути, политика «европеизации» Балкан представляла собой крупнейшую в истории попытку «насадить» институты демократии и гражданского общества в отдельно взятом постконфликтном регионе. Сложно возразить М. Петровичу, написавшему: «Несмотря на то что в политике ЕС по поводу присоединения Западных Балкан есть различные элементы несостоятельности, самая серьезная проблема – несостоятельность подхода ЕС в определении основ государственного строительства полиэтнических государств» [Petrovic, 2013, p. 156]. На протяжении десятилетия ЕС оставался единственным арбитром для стран Юго-Восточной Европы. Как следствие, несмотря на идейную привлекательность, в силу вышеперечисленных причин Европейский союз не особенно преуспел в деле умиротворения и модернизации Балкан.

Ситуация, складывающаяся сегодня во всех бывших югославских республиках в контексте взаимодействия и интеграции с Европейским союзом, вызывает ряд серьезных опасений. Ключевыми элементами в структуре поддержания внутрирегиональной безопасности являются Македония, а также Босния и Герцеговина. В обеих странах внутривнутриполитическая ситуация, всецело определяемая международным фактором, зашла в тупик.

Двухлетний внутривнутриполитический кризис в Македонии завершился проведением 11 декабря 2016 г. внеочередных парламентских выборов, на которых формальную победу одержала оппозиционная партия СДСМ (Социал-демократическая партия Македонии), позднее создавшая коалицию с тремя албанскими партиями Македонии и получившая в результате парламентское большинство.

Причина озабоченности в данном случае такова. В январе 2017 г. была обнаружена так называемая «Тиранская платформа», разработанная этими албанскими партиями при непосредственном участии Албании. Изложенные в ней требования заключаются

в расширении прав албанского населения Македонии, в частности, путем предоставления албанскому языку статуса государственного и облегчения трансграничного режима Македонии с Косово и Албанией. И ЕС, и НАТО, ссылаясь на необходимость соблюдения демократических норм, настояли на том, чтобы президент Македонии Г. Иванов одобрил формирование кабинета коалицией СДСМ и албанских партий. Лидер оппозиции З. Заев под гарантии сохранения конституционного устройства Македонии в мае 2017 г. получил мандат на формирование кабинета, в результате чего спикером парламента был избран албанец Т. Джафери. Хотя албанцы в значительном количестве были представлены и в предшествующем правительстве (тот же Т. Джафери, бывший полевой командир албанских националистов, был министром обороны), приход к власти СДСМ создает принципиально новую ситуацию, в которой албанцам, вероятно, пойдут на уступки. В перспективе это означает юридическую (для чего, правда, требуется 2/3 голосов в парламенте) или фактическую (явочным порядком) федерализацию Македонии. У части балканской экспертной элиты уже сложилось мнение, что итогом данных событий в Македонии может стать ее исчезновение [Белић, 2017].

В части Македонии, граничащей с Болгарией, ситуация симметрична той, что сложилась в Молдавии и Румынии: большинство македонцев, проживающих там, являются этническими болгарами и имеют болгарские паспорта. Текущее усиление в Болгарии позиций России, конкурирующей с Европой, может послужить толчком для того, чтобы в обмен на лояльность Западу Болгарии был предложен этот кусок территории. Данный сценарий уже разыгрывался в ходе обеих мировых войн XX в. Геополитически это сделает невозможным и полноценное греко-сербское взаимодействие, поскольку в подобном случае Греция, демонстрировавшая слабые попытки самостоятельности в оценках ЕС и проводившая собственную региональную политику, окажется полностью замкнутой в кольце проевроатлантически ориентированных государств. Кроме того, дезинтеграционные тенденции в Македонии повлекут за собой аналогичные процессы в Боснии и Герцеговине, где хорватское меньшинство ожидает решения своей судьбы уже два десятилетия,

а Республика Сербская готова при первой возможности провести референдум о независимости.

Ситуация в Сербии также внушает опасения. Прошедшие 2 апреля 2017 г. президентские выборы, с одной стороны, подтвердили приверженность сербов европейской перспективе, но, с другой стороны, показали, сколь обоснованы опасения сербской элиты по поводу общественных настроений в стране. Так, предвыборная кампания премьер-министра А. Вучича была организована таким образом, чтобы не допустить ни малейшей возможности появления реальных рычагов влияния у его конкурентов, хотя в этом не было необходимости – все альтернативные кандидаты объективно были слабее А. Вучича. Действующий премьер-министр получил большую часть эфирного времени, основной медиаресурс. Он повторил успех одного из своих предшественников, Б. Тадича, заручившись практически накануне голосования поддержкой России (что, безусловно, было сделано тактически верно вне зависимости от цели). Второй тур голосования был назначен на Пасху (один из самых важных праздников для сербского народа – день, традиционно посвященный походу в церковь и семейному обеду). В итоге в день первого тура голосования на избирательные участки пришло чуть больше половины населения страны, и 55% принявших участие в голосовании проголосовали за А. Вучича. Таким образом, А. Вучич победил в первом туре, хотя реально за него проголосовало не больше 35% населения страны [RIK usvojio., 2017].

Вслед за избранием А. Вучича начались массовые протесты, направленные в основном против экономической политики, которая реализуется в Сербии, а также – против коррупции, общей проблемы всех балканских стран. Протестующие выражали возмущение тем, что правительству не удается привлечь иностранные инвестиции ни в один реальный сектор экономики, кроме создания инфраструктуры, которая является залогом успешного функционирования инвесторов на более широком европейском рынке. Протесты выявили объективное недовольство народа суммарными результатами проевропейски ориентированной политики (связанной с формальным выполнением заданных ЕС критериев), которую проводили все сербские политические лидеры последних двух

десятилетий, не обеспечившей ни долгожданного членства в ЕС, ни экономической модернизации. Несмотря на то что через месяц демонстрации протеста «сошли на нет», они могут оказаться предвестниками возникновения более серьезных противоречий между сербской политической элитой и населением.

Существуют предпосылки для внутреннего кризиса и в Черногории. В этой внешне вполне благополучной стране катализатором роста социальных противоречий могут стать вопросы, касающиеся членства Черногории в НАТО, а также вопросы, связанные с правами национальных меньшинств, в том числе сербов: независимость Черногории и последовавшее за этим развитие концепции «черногорской» нации сделали «сербскую» проблему крайне политизированной.

Другой внутренней угрозой, которую Европейский союз откровенно «прозевал», стало появление и укрепление на Балканах трансграничного радикального ислама. При постоянной финансовой поддержке, поступающей из Саудовской Аравии, в Боснии и Герцеговине, Косове, сербском Санджаке, Албании ведется активная проповедь радикальной версии фундаментального ислама; меняется даже внешний облик указанных регионов (строятся архитектурно нетипичные для Балкан мечети, меняется одежда и внешность балканских мусульман).

Балканский след был обнаружен практически в каждом из терактов, совершенных в Западной Европе в последнее время. Если раньше угроза радикального исламизма на Балканах публично не артикулировалась, то теперь о ней заявляют на официальном уровне. Этот вопрос озвучила, в частности, президент Хорватии К. Грабар-Китарович; он был одним из пунктов повестки дня в рамках визита министра иностранных дел Хорватии Д. Штира в Москву в мае 2017 г. [Комментарий..., 2017].

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что с момента саммита в Салониках в 2003 г., где была обрисована перспектива членства в ЕС для балканских стран, народы Балкан потратили много времени и сил, чтобы интегрироваться в евро-атлантические структуры. К сожалению, процессы стабилизации и ассоциации, а также переговоры о членстве не стали эффективными инструмен-

тами консолидации региона, а шаблонное применение матрицы интеграции привело к обострению старых и возникновению новых противоречий. В широком геополитическом контексте для самого ЕС последствия неудачной балканской политики еще более серьезны: о независимости от США в рамках европейского субрегиона снова можно забыть. Нерешенность и обострение внутренних проблем Балкан девальвируют роль ЕС как самостоятельной внешнеполитической единицы в системе европейской безопасности и приводят к закономерному усилению США и НАТО в регионе.

После самопровозглашения независимости Косова 17 февраля 2008 г. и до начала эскалации противостояния по линии Россия–Запад США значительно снизили свое присутствие в Балканском регионе, хотя их влияние не исчезло. В последнее время, главным образом – в контексте системной конфронтации России и США, а косвенно – вследствие неспособности ЕС самостоятельно решить ни одну внутрирегиональную балканскую проблему, все ярче проявляется тенденция к активизации американской политики на Балканах. Так, после очередного обострения кризиса в Македонии в апреле 2017 г. представитель Госдепартамента по европейским и евразийским вопросам Б.Х. Йи прилетел в Скопье и добился от конфликтующих сторон смягчения риторики, а спустя две недели сопротивлявшийся почти полгода президент Г. Иванов выдал оппозиции мандат на формирование правительства. Пример Македонии показывает, что в случае необходимости США могут быстро «вернуться» в регион и, оттеснив ЕС, проводить здесь активную политику согласно своим представлениям (подобно тому как это произошло в ходе югославского кризиса в конце XX в.).

Вопрос об интеграции западнобалканских стран в НАТО также, очевидно, актуализировался. Теоретически страны этого региона рассматривали членство в НАТО как гарантию от возникновения новых конфликтов, и самое главное – территориальных притязаний со стороны друг друга. Членами НАТО уже являются Словения, Албания, Хорватия, Черногория. В Косове размещена военная база. В этой связи формальное отсутствие членства в НАТО у Македонии, Боснии и Герцеговины и Сербии не может существенно изменить ситуацию. Более того, юридический статус Сербии

как нейтрального государства входит в явное противоречие с геостратегическими реалиями. В 2015–2016 гг. было подписано два основополагающих документа – Индивидуальный план партнерства Сербии с НАТО и Соглашение между правительством Республики Сербия и агентством НАТО по обеспечению и закупкам (NSPO) о сотрудничестве в области логистической поддержки. Последнее в случае регионального или международного конфликта полностью нивелирует нейтральный статус Сербии.

После вступления Черногории в НАТО (5 июня 2017 г.) в целом можно говорить о завершенности (пусть не формальной, но содержательной) атлантического проекта на Балканах. Членство Черногории в НАТО геостратегически «замкнуло» последнее влиятельное и в прошлом относительно самостоятельное государство Западных Балкан – Сербию. Таким образом, не совсем успешный европейский интеграционный проект оказался подменен «мягко» и успешно реализованным евро-атлантическим. После вступления Черногории в НАТО продвигать альтернативные проекты по обеспечению безопасности в регионе или оказывать здесь системное влияние становится практически невозможно.

По большому счету, есть только два сценария дальнейшего развития стран постъюгославского пространства. Оба сценария не выглядят многообещающими, но предполагают, что будущее региона связано с европейской интеграцией. При этом очевидно, что начало переговоров о выходе Великобритании из ЕС существенно изменило сами основы европейской интеграции.

Первый сценарий. Ускоренное включение региона в Европейский союз. Такой сценарий – в русле современной геополитической логики. Частично Западные Балканы уже интегрированы в ЕС. Хорватия и Словения – члены Евросоюза. Граничащие с ними Сербия и Черногория ведут переговоры о вступлении в ЕС. Македония и Албания также являются кандидатами на вступление в ЕС, а остальные – Босния и Герцеговина и Косово – включены в орбиту его институционально-правового и экономического влияния. При реализации данного сценария балканские страны будут играть роль внешней границы Европейского союза, его периферии, т.е. формально окажутся в том положении, от которого стремились

уйти на протяжении всей своей истории. Тем не менее если предложение вступить в Европейский союз поступит, то все бывшие югославские республики его примут, – иначе теряется весь смысл 20-летнего движения к интеграции.

Второй сценарий. Максимальное затягивание вступления стран региона в Европейский союз. В пользу реализации такого сценария свидетельствует тот факт, что в «Белой книге» Евросоюза 2017 г., посвященной перспективам реформирования ЕС, вообще не говорится о расширении объединения и не упоминается западнобалканский регион. Этот вариант активно поддерживает часть европейских экспертов [Tanner, 2017], и можно с определенной долей уверенности говорить, что того же мнения придерживается большинство населения Евросоюза; однако данный сценарий – наименее благоприятный не только для Западных Балкан, но и для самого ЕС. Для бывших югославских республик любая длительная отсрочка вступления в ЕС означает если не крах их проевропейски ориентированных элит, то сильное снижение их влияния и, соответственно, уменьшение их возможностей для проведения в жизнь тех институциональных и правовых реформ, на которых настаивает Евросоюз.

Уже сегодня в Сербии – наиболее репрезентативном балканском кандидате на вступление в ЕС – действующей власти становится все сложнее опираться на тезис о перспективе членства. Согласно опросу, проведенному Белградским центром по политике безопасности, в случае проведения в стране референдума о вступлении в ЕС 43–47% населения проголосовали бы за, а 29–35% – против. При этом 69% проголосовали бы против, если бы условием для вступления в ЕС было дипломатическое признание Косова [Popović, Stojanović Gajić, 2017, s. 30–31]. Таким настроениям объективно способствует не только понимание, что соседние Хорватия, Румыния, Болгария и даже Греция не стали процветающими государствами, оказавшись в ЕС, но и активизация на Балканах новых (и старых) международных акторов: России, Турции, Китая, ряда арабских стран. Их укрепление подогревает стремление балканских политических элит вновь сделать историческую ставку на ба-

лансирование между «великими державами», столь характерное для Балканского региона.

И для ЕС, и для НАТО присутствие России на Балканах представляется реальной угрозой. Противостояние России и Запада по системообразующим вопросам международного порядка, неспособность ЕС справиться с внутренними проблемами региона, отсутствие у балканских стран ясной перспективы членства в ЕС – на локальном уровне все это образует настоящую «гремучую смесь». При этом присутствие России на Балканах объективно является не переменным и неизбежным фактором современных геополитических реалий. Будучи членом СБ ООН, Россия оказывает непосредственное влияние на международно-правовое признание статуса Косова, является гарантом мира в Боснии и Герцеговине. Наконец, в последнее время заметно увеличилось ее экономическое и культурное присутствие в регионе.

При этом необходимо отметить, что до украинского кризиса (а отчасти и сейчас) политика России в западнобалканских странах строилась, по большей части, с учетом их запланированного вступления в ЕС – с расчетом, что это позволит РФ получить традиционных партнеров внутри объединения в будущем. Поэтому Россия не стремилась оказывать политическое давление на страны региона (например, Россия спокойно восприняла перевод переговоров по статусу Косова из-под крыла ООН под эгиду ЕС, хотя понимала, что для сербов это невыгодно), а сделала ставку на развитие прагматического экономического сотрудничества. Тем не менее с середины 2014 г. пресса и аналитические круги на Западе стали активно развивать тезис о «российской угрозе» в регионе. На наш взгляд, эта риторика – не ответ на усиление реального влияния России в регионе (которое на самом деле ограничено и варьируется от страны к стране до такой степени, что невозможно вообще говорить о существовании единой стратегии России на Балканах), а один из инструментов, используемых, с одной стороны, в логике конфронтации, а с другой – с целью проведения в жизнь директивных решений, направленных на временное купирование внутрибалканских проблем. В этом ключе стоит рассматривать и включение Черногории в НАТО по ускоренному сценарию, и присоединение

ряда балканских стран к антироссийским санкциям вопреки их собственным реальным и объективным экономическим интересам.

Существенные опасения вызывает тот факт, что противодействие российскому влиянию объявлено Госдепартаментом США одной из ключевых задач своей дипломатии в Восточной Европе и на Балканах на 2018 г. [Congressional budget., 2017, p. 70]. В чем опасность такого подхода, в первую очередь, для самих Западных Балкан? Влияние России, особенно на православное население бывших югославских республик, носит отнюдь не конъюнктурный характер. Это историческая особенность, о которой говорилось выше. По данным того же Белградского центра по политике безопасности, 23% сербов считают, что России и Сербии необходимо создать политический союз; 48 – удовлетворены современным уровнем сотрудничества (стратегическое партнерство и тесные контакты на государственном уровне); 10 – считают Серию политической марионеткой России и только 4% полагают, что влияние России вредит Сербии [Popović, Stojanović Gajić, 2017, s. 21]. Позитивное отношение к России подкрепляется и соответствующими шагами на официальном уровне. В мае 2017 г. в Сербии создана Канцелярия Национального совета по координации сотрудничества с Россией и Китаем, которую возглавил бывший президент страны, русофил Т. Николич. Ведутся технические переговоры о создании ЗСТ с ЕАЭС. В Хорватии также впервые за много лет на официальном уровне выражают готовность к более тесному экономическому сотрудничеству с Россией. Лидер Республики Сербской М. Додик в своей политике основную ставку делает на Российскую Федерацию.

Попытки «выдавить» Россию из региона, провести по его территории очередную линию конфронтации с большой вероятностью приведут к дальнейшему обострению внутрирегиональных противоречий, которые исторически всегда подогревались извне. Первым объектом этой политики, продиктованной системным противостоянием России и Запада, стала Черногория. Но если ни США, ни России противостояние за рамками ареала их непосредственных национальных интересов не может нанести серьезный урон, то Европейскому союзу обострение противоречий на постъ-

югославском пространстве грозит кризисом, который может затронуть все объединение. К сожалению, в свете текущего развития конфронтации по линии Россия–Запад можно констатировать, что, по всей вероятности, следующий виток обострения геополитического противостояния развернется именно здесь, на Балканах: первым проявлением этого стало вступление Черногории в НАТО в 2017 г.

Список литературы

Белић Н. Планирају ли македонски Албанци косовски сценарио? // Политика. – Београд, 2017. – 28.02. – Mode of access: <http://www.politika.rs/scc/clanak/375195/Planiraju-li-makedonski-Albanci-kosovski-scenario> (Дата обращения – 22.07.2017).

Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с рабочим визитом заместителя председателя Правительства, министра иностранных и европейских дел Республики Хорватия Д. Штира в Российскую Федерацию / МИД РФ. – М., 2017. – 20.05. – Режим доступа: http://www.mid.ru/vizity-ministra/-/asset_publisher/ICoYBGcCUgTR/content/id/2762688 (Дата обращения – 22.07.2017).

Энтина Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан / РАН. ИЕ. – М., 2016. – 130 с.

Congressional budget justification: Fiscal year 2018 / Department of state, foreign relations, and related operations. – Wash., D.C., 2017. – 23.05. – 394 p. – Mode of access: <https://www.state.gov/documents/organization/271013.pdf> (Дата обращения – 22.07.2017).

Contingency planning on Yugoslavia: A note by the military officers / The National Archives. – Brussels, 1977. – 11.12, PREM 16/1839. – 3 p.

Petrovic M. The democratic transition of post-communist Europe: In the shadow of communist differences and uneven EUropenisation. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 196 p.

Popović M., Stojanović Gajić S. Stavovi građana o spoljnoj politici Srbije: Radna studija // Beogradki centar za bezbednosnu politiku. – Beograd, 2017. – 08.03. – 42 s. – Mode of access: http://bezbednost.org/upload/document/stavovi_graana_o_spoljnoj_politici_srbije.pdf (Дата обращения – 22.07.2017).

Report on Haferkamp's mission to Belgrade / Historical Archives of the European Commission. – Brussels, 1977. – 17.09, BAC 48/1984/313. – 3 p.

RIK usvojio konačne rezultate, Vučić novi predsednik Srbije // Srbija izbori. – Beograd, 2017. – 21.04. – Mode of access: <http://www.srbijaizbori>.

com/article/rik-usvojio-konačne-rezultate-vučić-novi-predsednik-srbije (Дата обращения - 22.07.2017).

Tanner M. Europe is not going to solve Balkan dramas // Balkan Insight. - Belgrade, 2017. - 22.03. - Mode of access: <http://www.balkaninsight.com/en/article/europe-is-not-going-to-solve-balkan-dramas-03-21-2017> (Дата обращения - 22.07.2017).